

ВЛАДИМИР ЛЕБЕДЕВ

Записки нормального
человека и размышления его
попугая

Владимир Лебедев

**Записки нормального человека
и размышления его попугая**

«Издательские решения»

Лебедев В.

Записки нормального человека и размышления его попугая /
В. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856102-3

Владимир Лебедев на протяжении своей жизни вёл дневники, которые впоследствии стал превращать в небольшие литературные произведения: рассказы и повести. На суд читателя предлагается одна из первых работ автора. На наш взгляд, она интересна неожиданной фантазией автора на фоне «развитого социализма».

ISBN 978-5-44-856102-3

© Лебедев В.
© Издательские решения

Содержание

Утро1	6
23	10
3	12
4	14
5	19
6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Записки нормального человека и размышления его попугая

Владимир Лебедев

Посвящается памяти моего попугая Петьки.

Редактор Александр Владимирович Лебедев

Иллюстратор Владимир Алексеевич Лебедев

© Владимир Лебедев, 2017

© Владимир Алексеевич Лебедев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-6102-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утро¹

Утро начинается с рассвета...
Здравствуй!
Здравствуй, необъятная
страна!

Каждый день я вскакиваю с постели, как только кремлевские куранты во всю мощь моего репродуктора начинают свой переливчатый звон.

И каждый раз со мной творится что-то невероятное. Не знаю, как и объяснить. Это радость какая-то. Радость, восторг и гордость. Да! Именно гордость! Гордость, что я живу в такой прекрасной стране, где каждое утро тебя встречают такими замечательными словами:

«С добрым утром, дорогие товарищи!»

Как хорошо!

Я раскрываю балконную дверь. Полной грудью вдыхаю свежий воздух. Как хорошо! слава нашей коммунистической партии! Слава всепобеждающему учению Маркса, Ленина, Сталина!

Делаю зарядку. Вдох – выдох!

«Раз – два, раз – два. Шею нагнуть! Ниже, ниже, товарищи! Наклонимся еще! Хорошо! Ноги поставим в исходное положение. Руки опустите, опустите руки!..»

Раз, два, три, четыре и с выдохом побежали...»

Бегу и я в ванную. Бегу, не обращая внимания на ворчания, охи и злобные выпады соседей.

Там я чищу зубы кремом «Эффект»* (Крем для ног, он и не заметил.) Не забудем, сейчас пятилетка эффективности! обливаюсь холодной водой до пояса, фыркаю и трублю носом.

«Подъем!» всем людям доброй воли. Пора вставать!

Я люблю мыться долго – долго. (Ничего, что стучат в дверь, кричат... Ничего. Пусть подождут!) Потом растираюсь мохнатым полотенцем и... бреюсь, бреюсь безопасной бритвой с лезвием «Красный пролетарий» (Немного порезался, на то он и красный). Делаю компресс и освежаюсь тройным одеколончиком. Ой! Как щиплет! Как стягивает кожу! Я даже люблю, когда пощипывает. Люблю этот резкий запах. Я чувствую себя хорошо продезинфицированным инструментом, шприцем. Вот, вот! Шприцем, готовым к работе. Работе?.. Какой? Шприцем Революции! Неплохо, неплохо! Я – Дзержинский сегодня! Тот был, правда, мечом Революции, ну, а я шпиг, нет, не шпиг, а шприц, Шприц Революции.

«Юноше,
задумывающему свое жите,
решающему:
сделать жизнь с кого?
Скажу, не задумываясь,
делай ее с товарища
Дзер
жин
ского!»
Ха, ха!

Я завтракаю, выпиваю из пакета нашего славного московского объединения «Молоко». Какое тут число? Завтрашнее? Хорошо! Такими темпами мы пятилетку выполним в один год!

¹ Обычный шрифт – записки Балабошкина.

Заедаю молоко хрустящими вафлями нашего московского ордена Ленина кондитерского комбината «Рот фронт». Рот фронт! И я готов к употреблению... Какому? Перед глазами надпись: Перед употреблением – взбалтывать! Хорошо. Взбалтываюсь..., Быстро делаю свои домашние дела, клетку почищу потом, успею, одеваюсь и выбегаю на улицу.

Я размашисто шагаю, а вся моя психика поёт:

«Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля...
Терьям там там,
Терьям там там...
Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая...»

Хорошо.

Хорошо, когда все распределено, решено и продумано. Вчера Министр Вооруженных Сил отдал приказ о наступлении весны и о переходе на летнюю форму, и я с удовольствием исполняю все это.

Я несусь по улице в моем парадном пиджаке с орденами в моих парадных штанах с лампасами по бокам. (Очередь ветеранов у магазина накренилась и ушла вправо.)

Насчет моих орденов можете не сомневаться. Москва же наша столица и столица всего прогрессивного человечества, это же город-герой. А я – коренной москвич и, естественно и вполне законно, тоже орденосец.

Я шагаю, в такт размахиваю руками и даже прищелкиваю пальцами. Грудь моя расправлена навстречу ветру, ветру Революции. Плечи откинута назад, ветер Революции поет моих волосах, вернее сказать, он шебуршит по моему пролетарскому бобрику и треплет мой комсомольский хохолок. Я весь – Движение. Я весь – Прогресс.

Мальчишки бегут и скачут за мной гурьбой, будто я военный парад с музыкой, я и есть парад. Я – демонстрация силы и мощи. Я щелкаю их по круглым затылкам, как по клавишам огромного рояля и пою. Они визжат от восторга.

О, если бы я был композитором, воображаемый мой читатель! «Воображаемый» потому, что тебя нет. И хорошо, что нет. Мне без тебя так хорошо и уютно! Извини, что ни с того, ни с сего затесался в это гладкое повествование...²

Если б я был композитором! Я сумел бы тогда изобразить тебе всю эту великолепную картину, этот суровый непреклонный, почти нечеловеческий пафос ведущей мелодии «смело, товарищи, в ногу», где чуткий слушатель почувствовал бы многое: и «революционный держите шаг» и «сдайся враг неугомонный» и уж, конечно, «кто там шагает правой?левой!» А рядом с этой ведущей мелодией искрящуюся весельем популярную Летку-Еньку, испохабленную шпанятами: «Раз – два, ножки раздвинь – ка, как тебе не стыдно спать!» и «Марсельезу», и «Интернационал». Я передал бы тебе в звуках, в ритмах, как эти две темы, словно река и ручей, текут свободно, раскованно, то расходясь, то соединяясь в самых неподходящих местах. Я живописал бы тебе этот шум, эти визги, и выкрики, подобные брызгам и всплескам гигантского водопада, я наметил бы в них свой еще больший отсчет и больший масштаб. Но вот главная мелодия, как бы сбиваясь с шага, перескакивает на более быструю. Ей, мелодии, словно не терпится.

² Курсив – авторский текст.

«Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
в борьбе за это...»

И ничего, что эти мерзавцы суют ему палки в колеса победной торжествующей песни и успевают в этот мощный поток влить своей разноголосицей какую-то дрянь в роде:

«...за суп с картошкой
и повара уьем
столовой ложкой.»

Это ничего... Гоготанье, пакостные выкрики и визги покрывает все разом этот поток... Если бы я был композитором!.. Я бы... вступил в союз композиторов... Извини...

Мальчишки отстают, крики их стихают, изумленные прохожие, старушки шарахаются от него врассыпную.

– Ну что, бабуси, что охаете? Огурчиков болгарских не досталось, что ли? Будут у нас и свои огурчики, помидорчики и еще кое-что и получше! Дайте срок! Погодите!

– Моя земля, моя отчизна, живу с тобой одной судьбой... – поет он самозабвенно, вдохновенно, как вдруг его останавливает какой-то тип. – Слушай! Да ты ненормальный, что ли? Слушать тебя противно. Это ж для радио хорошо, но чтоб петь так самому... Ну ты даешь! И не давая ему опомниться:: – Почем, паря, значки? А? Ну что стоишь? Сколько этот значок стоит, я спрашиваю?

– Да что вы в самом деле? С ума сошли что ли? – кричит он. – Прочь! Этим наградам нет цены. Я еще, слава партии, кое-что понимаю. Они за дела, подвиги, та, та, та!

Ветераны вновь стеной возникают у магазина. Сейчас откроют. Сегодня их день.

– Чтoб вы, окаянные, подошли скорее, – ворчит старуха.

– Да что вы говорите, бабушка!!! А еще старый человек! Герои отстояли нашу Отчизну, Родину. Кровь свою проливали за нас с вами. А вы пожалели им сто грамм икорки, балычку...

– Да я что, я не со злобы... Я – пожалуйста! Надоело только, родимый.

– Слушай, милый, а как к Самому-то попасть? – спрашивает меня другая.

– К кому?

– Ну к Ему. Скажи, пожалуйста, раз ты такой умнай.

– А зачем вам?

– Да сказать надо. Ведь это же что делается? Все через задний проход идет. Окна мои как раз во двор выходят. Я все вижу. Тут у магазина черный ход. Так, веришь ли? Сумками и мешками так и несут, так и несут... А в магазине на витринах шаром покати. Надо сказать Ему, а то он не знает.

– Это тебе, бабуся, в «Народный контроль» надо.

– Я,

ты,

он,

она – дирижирует он —

вместе —

дружная... Ну?

2³

Сегодня он опять задержал мне рассвет на целых четыре часа! Это уже становится невыносимым! Он просто своевольничает! Будто он сама Природа! Или, как он говорит: «Венец Творения». А ведь сам просыпается в шесть часов! А я, действительно, не смею пикнуть пока клетка накрыта этой черной тряпкой. Дурацкая натура, дурацкая, я знаю, но ничего не могу поделать с собой: для меня утро начинается только тогда, когда тряпка снята. А что бы ему стоило? Экая безалаберность!

А потом я должен еще терпеть, пока он почистит клетку и насыплет корма. Причем он чистит, ставя клетку боком, я еле удерживаюсь на прутьях... И еще бьет по доньшку так, что я чуть не сваливаюсь, и уши у меня готовы лопнуть от этих ударов. Словом, он со мной довольно бесцеремонен. Нет! Этого нельзя ему спускать! Он уж достаточно обнаглел. Существует ведь Декларация прав попугаев! Там ведь ясно сказано, что... Нет! Я живая игрушка в его руках! Надо, чтобы все знали, кто он такой! А я? Кто я? Я – обычный волнистый попугайчик, зеленый. Моя Родина – Австралия. Это так считается. А попробуй, махни туда! Не путайте меня с тем банальным попугаем, который своим попугайским акцентом кричит: «Попка – дурак!» Я к нему никакого отношения не имею. Хотя... справедливости ради должен заметить, что и я могу говорить, могу, да не хочу! Да и те попугаи не так уж глупы, как их хотят представить люди. Люди – изощренные идеологические садисты. (Был у них один такой половой бандит Маркиз де Сад, но они еще хуже!) Им обязательно надо унижить других, они думают, что этим они возвеличивают себя. Идиотская привычка: завоевывать свой авторитет за счет подрыва чужого. Потому-то они и учат наших дураков этой гнусной фразе.

Но они могут поплатиться за это. Одному моему коллеге из Западной Германии в отместку за издевательства чуть не удалось устроить железнодорожную катастрофу. Он так удачно симитировал звуковой сигнал, что поезд отправился раньше срока. Ну, хватит об этом!

Достаточно с меня и своих забот!

Все это мне порядком осточертело. Я-то вижу его насквозь. Я знаю, зачем он держит меня у себя. У него есть одна идея-фикс. Он хочет построить правильное общество. А меня использовать для своего эксперимента. Мысль его такова (если только ее можно назвать «мыслью»!): создание нового общества следовало бы начать сызнава, исходя из одной семьи, с одной образцовой семьи... Вы, наверное, слышали их ходкие выражения: «братская семья народов, республик и т. п. Конечно, в животном мире свои птичьи, попугайские и даже волчьи законы. По существу в нем, как и у людей, много различных государств. Но ведь любые законы можно изменить (он так думает) и в лучшую сторону. Вот как в его эксперименте:

Попугай попугаю = муж и жена,
хорошие.

Попугай попугаю = отец, сын, дочь,
тоже хорошие.

Попугай попугаю = братья, сестры,
отличные.

И, наконец, все попугайское государство = братья, сестры, мужья, жены, дети, зятья... и еще друзья и товарищи.

³ Жирный шрифт – размышление попугая.

Если же у попугаев удастся такая идиллия: наладить хорошие отношения, начиная с родственников, то у таких разумных существ, как люди, это удастся и подавно! Великолепно! Ему и невдомек, что родственники – это злейшие враги друг другу. Моя клетка для него показательный экспериментальный участок. В ней должна быть создана образцовая семья. Для этой-то цели он и купил мне Катьку, голубопёрую красавицу. мы должны образцово любить друг друга (образцово и ссориться – ему все интересно).

3

Дома после моего трудового дня я сажусь за стол, раскрываю толстую тетрадь в красном коленкором переплете. На обложке сделан тиснением Кремль со звездами на башнях. Это мой любимый и важный момент! Надо вписать новую главу в историю нашего государства. Я – летописец наших славных дел. Я закопаю эту тетрадь потом глубоко под землю, и спустя много веков потомки узнают из нее, как мы жили, работали и боролись.

Я раскрываю тетрадь и пишу...

Какой сегодня год, месяц, число?

Год – пятидесятый от начала новой эры, эры Социализма, это можно бы и не писать, но все же напишу: «от легендарного залпа „Авроры“, разбудившего весь мир...» Какой сейчас месяц? Май. Нет, по большому счету! Множим пятьдесят на двенадцать. Шестьсот... Отнимем десять, прибавляем пять. Пятьсот девяносто пять. Итак, 595-ый месяц со дня легендарного... это я уже писал! А день? Умножаем 595 на тридцать, надо учесть високосные годы... Получается: 17 916-й день со дня легендарного залпа крейсера «Аврора», возвестившего новую эру в истории человечества.

Который час? – 19 часов 00 минут. Часы я ставлю по часам Спасской башни, по самым точным часам в мире, по которым отсчитывает свое время История.

Ну-с, так начнем?

О чем будем писать?

«Сегодня в 17 916-й день с начала новой Эры, открывшей новую страницу в Истории, когда весь советский народ и все прогрессивное человечество...»

Нет, не получается! Надо почитать газеты. О чем тут пишут? Какая-то шумиха вокруг Пастернака! Кто этот Пастернак? Я его что-то не знаю. Что он хочет? Но колесо Истории не повернуть ведь вспять! Хорошо тут сказал один экскаваторщик... «Да я его раздавлю своим ковшом! Так, так. Правильно! Дайте мне его адрес! Где он живет? Я тоже хочу с ним расправиться. Мне до всего есть дело!

А без меня, а без меня
Ведь даже солнце не вставало,
Когда бы не было меня!

Ну да черт с ним, с этим Сельдереем! Посмотрим, что тут еще... А! Беседа в Кремле... Интересно все-таки посмотреть... хоть одним глазком... как это там у них происходит?

«Председатель Совета Министров СССР

А. И. Косыгин принял в Кремле, находящегося в Москве посла Чехословацкой республики... Во время беседы, прошедшей в теплой дружеской обстановке состоялся обмен мнениями по вопросам советско-чехословацкой дружбы, а также по международным проблемам, представляющим взаимный интерес. В беседе также участвовал посол в Советском Союзе... Присутствовал Штроугол. Кто такой Штроугол? Хоть бы на минуточку побыть этим Штроуголом!

Да... Но создать летопись нашей эпохи чертовски трудно! Надо найти новые слова! А я все застрял на колесе Истории. А ведь сколько можно придумать нового!

Стартер Истории.

Коробка скоростей Истории.

Тормоз Истории.

Багажник Истории.

Кузов Истории.

Капот Истории.

Коробка скоростей Истории (Это я уже говорил!)

Ручка для завода Истории.

Да что я: «Истории и Истории!»

4

Я пощипывал перышки на каткиных голубых щеках с черными пятнышками, а она, склонив голову набок, зажмурилась от удовольствия, когда за окном появилась эта шпана-синица, словно с надвинутой на глаза черной кепочке.

– Неужели тебе не хочется за границу? Слетать в туристическое путешествие, посмотреть мир? – прочиркала она. – У тебя ж есть законные права, ты же австралиец!

– Нет уж: обращаться к этому проклятому треугольнику, фотографии, справки, а потом этот райком!

– Неужели ты даже не представляешь, что такое свобода?

– Отчего же? Я знаю, что такое свобода. Я видел ее однажды. Хочешь, я расскажу тебе. Ты поймешь меня.

И я зачирикал свою незамысловатую повесть.

Это было еще прошлой осенью. Хозяин только что купил меня. Однажды, когда он чистил клетку и оставил дверцу незакрытой, я выбрался из нее и полетал немного по комнате. Картинка, вырезанная из журнала «Огонек» и приклеенная на стену, несколько не обманула меня, хотя там и была довольно натурально изображена раскрытая дверь, солнце, упавшее на пол через нее, и даже дымок от папиросы и люди, стоящие в дверях, меня не испугали, я увидел, что это маленькая картинка и не более. Другое привлекло меня куда больше и в то же время обмануло. Это было голубое чистое небо, и я полетел на свет. Я больно стукнулся клювом обо что-то твердое и обалдел, я упал. Я никак не мог постигнуть, что небо такое твердое. Я в беспмятстве бился крыльями об это твердое небо и там, и тут, стараясь его проломить. Было больно и глупо, но я не мог прекратить так просто свое сопротивление. И тут я неожиданно провалился куда-то. Я бы разбился наверняка об землю, но, очнувшись от обморока и замахав крыльями, я понял, я на свободе. Я увидел стену дома, быстро росшую все выше и выше с бесконечными окнами клеток, а внизу небольшую площадку с деревьями. Я так был измотан этой борьбой, а от долгого сидения в клетке совсем разучился летать, и хоть я отчаянно махал крыльями, все же стремительно падал. Кое-как мне удалось спланировать на ближайшую ветвь и я решил отдышаться.

Я взглянул вверх и увидел на балконе моего Хозяина с клеткой. О прикручивал пустую клетку с открытой дверцей к форточке.

– Нет уж, дудки-с! Обрато меня не заманишь! – подумал я. Перепархивая с ветки на ветку, я удалялся от злополучного дома, где ничто мне не было дорого.

Была осень. Остроконечные желтые листья создавали иглистый золотой интерьер. Такой красоты я еще не видел ни в одной клетке. Было холодно, недавно прошел дождь и потому было сыро, свежо и промозгло. Но основное, что я почувствовал довольно скоро, был голод. Там, в клетке, что скрывать, у меня всегда была полна кормушка овса, проса и разных там витаминов (так называл Хозяин семена подорожника). И еще он давал мне всегда зелень. Нет, бывали иногда перебои... Но жаловаться на это просто грех!

Я попробовал было подлетать к голубям и воробьям, которым насыпали какой-нибудь дряни, но разве можно было там чем-нибудь поживиться. Я еле уносил свои крылья. Меня чуть не заклевали эти так называемые голуби мира. Нет! К борьбе за собственное существование я был положительно не способен. Слишком я был избалован. Теперь я пропащая птица! Птица, не способная жить на свободе! Как

ни горько, в этом себе приходится признаться, но это так, – думал я, жуя горький кленовый лист.

Стало еще холодней, начало смеркаться. Я сидел, нахохлившийся, продрогший и голодный на одной из веток липы.

Это был довольно красивый сквер, хоть мне было и не до красоты. Вдруг я услышал детский голос:

– Папа, идем сюда, я покажу тебе зверства! – тянул мальчишка своего отца за руку. Я притаился. Среди желтых листьев я был незаметен

– Идем, идем! Вот сюда! – говорил он тем же таинственным странным шепотом и показывал на что-то черневшее в траве.

– Ну вот нашел на что смотреть! Это – мальчишки, – сказал отец. – Пошли же! Нам некогда.

Когда шаги затихли, я слетел вниз и то, что я увидел там заставило меня оцепенеть от ужаса. Я увидел оскаленную в немом истошном крике мертвую кошачью голову. Ее глаза, казалось, выскакивали из глазниц, мокрая шерсть на голове кое-где слиплась, и из-под нее начинал проглядывать голый череп. В горло ей был воткнут здоровенный острый сук.

Я не мог вынести этого зрелища. Судорожно, забив крыльями, я взлетел. Я изо всех сил бил по воздуху, лишь бы подальше улететь от этого страшного места. Устав, я присел на одну из ветвей.

О, люди, подлые люди! Вы называете зверствами все ваши подлые человеческие дела! До какой низости надо дойти, чтобы всю свою человеческую подлость еще сваливать на зверей! Я не доброжелатель кошек. Я слышал, что кошки не из приятных животных. Я их не оправдываю. Но убить живую тварь просто из желания убить (не съесть!) и убить изощреннейшим образом, наслаждаясь смертельной агонией жертвы – на это способен лишь человек! «Люди! Всех других вы лучше? Шкура ваша так гладка, блестяща... Преимущество такое со змеями делить вам нужно!»

От нервного потрясения я начал икать. Я никак не мог отделаться от этой ужасной картины. В ушах моих стоял истошный, душераздирающий вопль (хоть я и не слышал его там тогда), а перед глазами изворачивалось тело кошки с растопыренными когтистыми лапами.

– Нет, – подумал я. – Хозяин мой хоть и глуп, но не так уж плох. (Но хорошие мысли не держатся постоянно в голове. Я забываю их и начинаю вновь ворчать и ругать его).

Стемнело. Издерганный, озябший, промокший, я был вынужден заночевать на этом дереве. Спал я плохо, постоянно вздрагивал, вскрикивая, часто встряхиваясь, стараясь распушить посильнее перья, взбить пух, чтобы согреться.

Наутро, чуть свет, я уже твердо решил, что, если я не хочу умереть, я должен вернуться в клетку. С большим трудом, к счастью, я не успел далеко улететь, нашел я балкон с моею родной клеткой. Дверка была открыта. Хозяин, видно ждал меня, потому что, как только я оказался в клетке, он выскочил на балкон и, захлопнув дверцу, внес меня в темную комнату.

Я знаю, что такое свобода! И теперь, когда мне в окно заглядывает какая-нибудь шпана: воробей или ты...

Я не обращаю внимания на это. Я отжмурил глаз. Никого. Я и не заметил, что синица давно улетела.

Ну и черт с ней! Сейчас мне не скучно. Со мной Катька. По характеру Катька полная противоположность мне. Вот пример. Если Хозяин тронет пальцем жер-

дочку, на которой я сижу, я тотчас же перескакиваю на другую, от греха подальше. Катку же, наоборот: никто не заставит с нее слезть, даже если он приподнимет ее вместе с ней! Такой уж у нее характер. Она злится на жердочку (дура) будто та виновата, что двигается, и начинает ее кусать и грызть.

Катка любознательна, тогда как я совершенно нет. Катка постоянно раздвигает прутья и выскакивает из клетки. Меня же из нее и не выгонишь. Катка очень подвижна, я же ленив и апатичен.

Иногда она делает такой переполох в клетке, просто хоть вон лети! Уцепившись за жердочку, она так машет крыльями да еще при этом кружится через голову, что все: перья, пух, зерна, летят наружу. И охота ей тратить столько энергии на эти физические упражнения!

Вот и сейчас. Катка только что спокойно сидела на жердочке, склонив голову набок и закрыв глазки, бездумно ворчала, будто пережевывая свое чириканье. Она все делает самозабвенно. И тут снова стала вертеться колесом. А сейчас, прижавшись спиной к углу клетки, повернулась животом вверх, держась лапами за прутья. Я даже отвернулся от смущения. Я не импотент. Но не могу я делать это на виду у Этого... А потом... где гнездо?

Вот за прутьями Его Монументальное Величество. Экая рожа. экая глыба! Гора! Глаз долго должен блуждать по так называемой физиономии, пока не отыщет его гляделки или ротовое отверстие. Вот Он сделал серьезное выражение, выпятив нижнюю губу вперед, надув ее. Неужели он не понимает, что она выглядит карикатурной на его громадном лице.

Он думает, что он свободен, а я в клетке. Это, откуда смотреть. С моей точки зрения, это он за решеткой.

Вот Он прижимает свое лицо к прутьям. Ну и громадина! Отворяет дверцу. Громадная лапища пролезает ко мне... Ой! Что Он делает?! Не буду! Не буду! Только прекрати!

Вот стенка! Дубина! Болван! Вместо гнезда приделал для Катки качели. Я чуть не умер от страха. И сейчас еще не могу отдышаться. Сердце так и колотится. Так инфаркт хватит! Дубина.

5

Я выхожу из дома. Во дворе частник копается в моторе своей собственной машины.
– Ну что, не идет? Заело? Да надо не так! Не отсюда! Ее надо же демократом подымать, демократом.

Есть демократ?

– Что? Что такое? Тьфу ты! Да не демократ, а домкрат, чудила!

Давай вместе подналяжем!

Я, ты,
он,
она —
вместе... целая... НУ?
вместе – дружная...

– Свинья!

– Да что вы кричите, гады? Как у вас язык поворачивается?

Ну, домкрат, так домкрат! Домкрат Истории! Скоро вас, частников всех прикроют. Не при капитализме живем! Дорогу общественному транспорту!

Хорошо на наших улицах площадях и жизнь хороша и жить хорошо! Я люблю подчиняться ритму наших лозунгов, призывов. Как хорошо! Напротив меня, на крыше здания большими объемными буквами: «ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!» Хорошо. Иду вперед. Что дальше? Так. За углом: «В ы ш е з н а м я м а р к с и з м а – л е н и н и з м а!» Так. Нет его? А вот оно. Понял. Минуточку. Сейчас подтянемся. Ногу сюда. Встанем поудобнее. Так, чтобы не упасть. Укрепим его повыше. Вот так. Уф! Теперь высоко. Спрыгнем. Отряхнем ручки. Что же дальше? Что тут на воротах? «НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ! Ц е х н а у ш н и к о в.» Хорошо! Сплотимся еще тесней! Теснее-теснее! Вот так! Не знаю, кто эти наушники, но они пишут хорошие вещи! Д а з д р а в с т в у ю т н а ш и д о б л е с т н ы е н а у ш н и к и!

На торцах кинотеатра два красных полотнища: «У ч е н и е Л е н и н а н е п о б е д и м о!» и «П о б е д а к о м м у н и з м а н е и з б е ж н а!» Так, так, голубчики-недоброжелатели! Злопыхатели! Как не вертитесь, все равно будете жить при коммунизме! Это я вам говорю! Я – Балабошкин! Что же здесь? Таблица. Так. «С т о й! В ы с о к о е н а п р я ж е н и е» Стою. Сколько стоять? Постоял и хватит! Вперед! На мосту транспарант:

«С л а в а н а ш е й р о д н о й к о м м у н и с т и ч е с к о й п а р т и и!» Ура! Слава! – кричу я. А что тут? «П р и о б н а р у ж е н и з а п а х а г а з а, н е м е д л е н н о о б р а щ а й т е с ь...» Иффф! Вроде ничего не пахнет! Вперед!

Впереди я вижу две необычные фигуры: одна длинная в импортном костюме, выложенная, вылизанная, другая – скорченная, извивающаяся, заглядывающая в глаза Длинному. Длинный (это сразу видно) – представитель международного Империализма, Перед ним – его прихлебатель, Наш Прихлебатель: Вы уж извините, у нас так заведено: чем больше помойка, тем больше лозунг, больше буквы. Представитель Империализма: Чем больше помойка – больше буквы! Ха-ха! Это вы здорово подметили! Прихлебатель: Вау! – произнес и захихикал. (Лучше бы выматерился.) Восхищается... и то по-иностранному! Я (подоспев вовремя): Вам нечего извиняться за наши временные неполадки. Уберем со временем. Представитель Империализма: А это у Вас что? Что за иконостат? Не иконостат, а иконостас. Но это к делу не относится. Это: портреты членов нашего правительства, руководители нашей Коммунистической партии. Вот этот – портрет Поскребышева. Если б Вы хорошо знали русский, то поняли бы, что и фамилии имеют смысл и разъясняют его.. Он, Поскребышев, выскребывает все происки

наших идеологических врагов. А это портрет Стуслова... Стусло – это приспособление для пилы... что б не шла вбок.

Интеллигентшилка: Да не Стуслов, а Суслов! Суслов. Я: ошибся. Сусло это материал, продукты для заготовки, закваски хорошего пролетарского пива. Чтоб оно хорошо бродило, но не анархически, а революционно. Революционное брожение – это энтузиазм во имя построения коммунизма в нашей стране. За спиной Представителя Империализма Прихлебатель пробурчал: Серый кардинал!

Они пошли дальше. Рядом по мостовой, близ тротуара медленно ехало такси (заказное), сопровождая их. Из-за опущенного стекла шофер подмигивает мне: А товарищ-то видимо, издалека... Наши советские люди все понимают.

Впереди у меня еще много дел: Надо написать в «Правду» относительно фельетонов. Пора прекратить это безобразие! Что получится, если каждый день читать по фельетону? Найдутся ведь охотники, что будут вырезать из всех газет, журналов фельетоны и собирать их все в одном месте. Что же получится? Сплошная фельетонизация всей страны! Сплошное искажение! Этого нельзя допустить!

Скорей! Скорей! Летопись наших дней ждет меня! И еще политинформация. Они же ничего не знают! Живут в темноте. Скорей!

А без меня,
а без меня
и солнце утром не вставало
и солнце утром не вставало,
когда бы не было меня

И тут я вижу до боли родное лицо и надпись: «В е р н о й д о р о г о й и д е т е , т о в а р и щ и!»

Домой! Домой!

Вот и мой дом. Мой этаж. Моя квартира. Звоню решительно и бесповоротно. Они знают мой звонок. Пока маманя моя добирается до двери, слышу как мой сосед Ванька-Битл мелет чепуху по телефону.

Юрик!

Как?

Роллингстон устраивает?

В щечку.

Я говорю: «в щечку»,

«Тебе бы что-нибудь попроще...»

Юрик, «попроще», говорю.

Юрик, я тебе говорю: Тебе бы что-нибудь попроще

А ты циркачку полюбил...

Юрик, может, завалишься?

Приезжай с пузырем!

Каким?

Я говорю: «с пузырем».

С толстым. (Перхает. Сам еще усиливает шум и кашель. Делает вид, что давится от смеха. Булькает.)

Передай ей, что я говорю «с толстым»!

Галочка! Галя!

Серьезно?

Я ему говорил, чтоб он вас в щечку.

Куда?
В щечку.
Юрик, Юрик!
Я тебе говорю: «Тебе бы что-нибудь попроще...»
Заваливай с пузырем
Не пьешь?
Брось дурака!
Змия, говоришь?
Какого?
Красного или белого?
Давай!

Давай! – послышалось в ответ как пароль нашего времени.

Маманя открывает мне дверь: «Это ты, газета?» Ванька-Битл сидит на табурете в коридоре, не сидит, а почти лежит, ногами перегоротив всю дорогу.

– Ах ты, антипод, нашего образа жизни, нашего строя, – думаю я, а говорю:

– Ну что, Ваня, продолжаешь подвергаться вражеской обработке? Льешь воду на мельницу империализма?

– Что делать, старик.

– Труд создал человека. Трудись, Ваня-Битл, человеком будешь.

Космы распустил, смотреть противно. Где ты, на каком плакате видел ты такие космы? Вот мужественный бобрик, как у меня. Полубокс. Вот, брат, пролетарская прическа.

– А ты битлов видел? Хочешь, покажу? То-то! Ну что с тобой говорить! Ты ведь чокнутый!

– Ничего! Я думаю, ты потерпишь очередное фетяско!

– Не «фетяско», а фиаско. Голос Америки надо слушать, старик! Фетяско – это вино такое, кислое.

– Знаю, знаю, дрянь такая. Я и говорю: фетяско, пил.

– Тоже мне, пил! Эх, ты, Хайла-Силася-Хайла-Напилася! А Галочка – во гёрл, вылитая Мурлиин-Мурло. Давай пузырь хлопнем!

– Не ругайся. Пить я не буду. Алкоголь – это опиум народа. А Хайла – это император эфиопский. Знать надо! Хайла-Силася. Император, а наш! Впрочем, и мы, рабочий народ, не простые люди!

Мы – короли,
мы – короли,
мы – короли!
И это наше
– королевство!

Ну, хватит трепаться! Мне некогда! Слышишь, что на кухне делается?

Вмешательство мое было просто необходимо. Я пришел вовремя.

– Явился – не запылится!

– А ты, маманя, свои шуточки оставь! Ну что, бабуси, политинформацию будем проводить? Я гляжу, вы у меня тут совсем распустились.

– Давай, давай, ты у нас передовой!

– Первый парень на деревне...

– А в деревне – один дом!

– Мамань, прекрати свои деревенские шуточки! Хватит дурака валять!

– Валять да к стенке приставлять!

– Ну, давай, давай, Газета! У нас дел много!

– Господи, за что же это на меня такая напасть? У других дети как дети! Взять хоть Ваньку-Битла. Ну, напился! Ну, посуду побил, поскандалил... Но ведь наутро такой душевный человек! Извиняется. А этот, как чурбан какой! Правда, люди говорят: Газета!

– Газета, мамань, это не только коллективный организатор, но и коллективный пропагандист.

– Позвольте, бабуси, я впущу вам порцию идеологической прививочки! Вводим шприц, нажимаем... тааак! Все в порядке! Шприц Революции... Неплохо, неплохо!

Голос мой звучит, как голос Фиделя. Партия или сме... (Патрия, падла, бесцеремонно вставляет Битл) у муэрто! Родина или смерть! Только так стоит вопрос! Нельзя ни на минуту ослаблять свою бдительность!

И вдруг:

– Аааааааааа... п, – я запрокидываю голову, как бы замахнувшись, – пчхи!!! – раздаётся залп, как залп Авроры.

– Крепка Советская власть! – спокойненько вставляет моя маманя.

Мы живем с ней психика в психику.

6

*«– Лечу! Свободна!»
«Мастер и Маргарита»
Булгаков.*

– Идея, овладевшая массой, становится материальной силой... – проговорил он, входя в комнату, как бы в раздумье, будто повторяя свою давнишнюю мысль.

Потом он опять включил радио на полную катушку. Может, он хочет научить меня выговаривать стереотипные фразы, в роде: «Вперед, к победе...»? Слушать каждый день одно и то же – для меня невыносимо! Катька, та старается перекричать этот шум и чирикает вовсю. Он становится невыносим! Взять хоть эти газеты для подстилки, чтобы мы с Катькой не загаживали дно клетки. Ну, что ему стоит класть их вверх последней страничкой! Так ведь нет! Обязательно вверх передовицей!

А вот, что еще выдумал? Ссыпать после нас весь мусор (шелуху и остатки корма) в отдельный пакетик и подсыпать из него снова нам в корм! Это у него называется: «новые резервы экономии»!

А ведь жизнь могла быть совсем сносной, даже прекрасной! Если бы немножко демократизма с Его стороны! Будь Он капельку поумней! Если б ы не было этого бесцеремонного переворачивания клетки, стучания по дну, залезания внутрь Его лапищи, неурядиц с кормом, Его глупостей!..

А пример с этими качелями!? Катька вместо того, чтобы качаться на них, грызет их и целый день сваливает их вниз, из-за этого эта ужасная лапища снова здесь! К ней я никак не могу привыкнуть! Хоть убей! А гнездо до сих пор купить не удалось! Мне-то что! Катьку жалко!

Катька расправила веером свое крылышко и спрятала за него голову. Удивительно, до чего попугай похож на людей! Недаром они и мы ходим на двух ногах. Вот вытянула и растопырила перья, будто перчатки натягивает! А сейчас вытащила ногу из-под фалды фрака и выбивает ею блох из своей бороды. Ну, пошла опять колобродить и кусать прутья! Вот неугомонная душа!

Но что это? Дверца под ее клювом поддалась и приоткрылась! Катька высовывает голову, один глаз смотрит вверх, другой вниз. Выпрыгнула. Полезла. Ты куда, дура? Придется лезть за ней. Без меня наделает глупостей, пропадет! Как неудобно лезть по куполу клетки снаружи: все время съезжаешь, скользишь вниз. Ну что тебе? Полазила и хватит! Пойдем в клетку! Вспорхнула, хлопнув меня перьями крыл по клюву. Полетела! Куда ты, дура? Ведь там ничего интересного, я знаю! Ну стукнешься о стекло, лоб расшибешь! Ну, что я говорил! Больно, глупая? Не плачь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.